

**Каролина
Королевская**

**Война полов
или
В поисках любви**

16+

Каролина Королевская

Война полов, или

В поисках любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34108665

SelfPub; 2018

Аннотация

"Мужчины! Вот мерило женского счастья. Как бы мы ни ругали мужчин, как бы мы ни втоптывали их в грязь, как бы ни залезали им на шеи и в карманы, как бы мы их ни ненавидели, они – наше счастье. Мы живем с мечтой о мужчине, мы ложимся спать с мечтой о мужчине, мы просыпаемся с мечтой о мужчине, мы рады, когда видим мужчину во сне, мы счастливы, когда встречаем его в жизни". Так думает героиня романа. Война полов – это война за любовь, считает она. Дизайн обложки авторский.

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	8
Глава третья,	11
Глава четвертая,	14
Глава пятая,	17
Глава шестая,	21
Глава седьмая,	24
Глава восьмая,	27
Глава девятая,	29
Глава десятая,	32
Глава одиннадцатая,	36
Глава двенадцатая,	39
Глава тринадцатая,	44
Глава четырнадцатая	47
Глава пятнадцатая,	50
Глава шестнадцатая,	53
Глава семнадцатая,	55
Глава восемнадцатая,	58
Глава девятнадцатая,	61
Глава двадцатая,	63
Глава двадцать первая,	66
Глава двадцать вторая,	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Каролина Королевская

Война полов

или

В поисках любви

Глава первая, в которой я ожидаю этого мерзавца

«У меня мурашки
от твоей Наташки...»
(из старой поп-песни)

Это конец! Я чувствую, что это конец наших отношений. Только что мне позвонила Ирка и сказала, что видела его вчера с какой-то худосочной низкорослой блондиночкой в ночном клубе. Где-то около Арбата.

Ирка никогда мне не врет. Прекрасно! Все, что было у меня с ним до этого момента, я вычеркиваю из своей жизни. Пусть теперь попляшет! Так будет лучше для нас обоих. Я его не виню, он же самец. А самец, он и в Африке – самец. Во всем виновата только я одна. Ему очень хотелось найти свое счастье. «Я так долго искал свое счастье, но теперь, кажется, я его нашел!» – говорил он мне. Ему «кажется»! Он неуверен! Мерзавец! Он хочет быть счастливым? Пусть будет... С другой!

С другой?..

Что ж, если он не уверен, что его счастье – это я, пусть

попырует быть счастливым с другой. Посмотрим, как это у него получится. Разве мужчины могут сами понимать, где их счастье? Мужчины вообще ничего не понимают в таких делах...

Вот и пусть побесится. Это ему на пользу. Я очень подозреваю, что это была его однокурсница Наташа. Прекрасно, если ему нравятся скелетоны, пусть водится со скелетонами. Уж она-то – настоящий скелетон. Боже мой! Метр с бантиком и за любой шваброй спрятаться может! Эта до старости будет выглядеть маленькой девочкой. Сзади! Еще бы она ему не понравилась, ее и кормить не надо. Одними сперматозоидами сыта будет. Влил с утра и целый день желудочек полный. Московская Дюймовочка, блин. Встречу, переломлю пополам, и все! Оказывается, ему маленькие девочки нравятся, педофилу несчастному.

А он жук еще тот. Ни слова мне не сказал о ней. И о том, что был в ночном клубе. Может, он с ней уже давно?.. Нет, я не собираюсь быть посмешищем. Посмотрю, как он станет выкручиваться...

Сколько сейчас времени?

Я долго смотрела на часы, ясно видела стрелки и цифры, но никак не могла сообразить, сколько они показывают времени. Будто я в один миг отупела. Отупеешь тут! Мне пришлось сильно напрячь извилины, чтобы сосредоточиться и понять: через полчаса он должен позвонить в дверь.

Полчаса, Господи! А я еще не готова, не собрана, не одета,

не накрашена. Я стала носиться по комнате, как тот зеленый клоун из фильма «Маска». С такой быстротой я еще никогда не подводила брови, не красила ресницы, не одевалась...

Сердце колотилось так, будто за мной гнался возбужденный Кинг Конг.

Спокойно!!! Спокойно!! Спокойно! Спокойно. Спокойно...но...

Глава вторая, в которой этот мерзавец имел наглость прийти

«А я милого узнаю по походке...»
(из старой поп-песни)

Так, явился, голубчик. Позвонил два раза. Всегда звонит два раза. Один раз считает недостаточным и слишком робким тоном, а три раза – слишком нетерпеливым и настойчивым тоном. Поэтому всегда звонить два раза и ждет. Эстет хренов! Он мне объяснял эту муру на полном серьезе. Вот и пусть ждет. Посмотрим, надолго ли хватит его терпения. А я не открою и все тут. Передумала встречаться. Нет меня. Ушла гулять.

Опять позвонил. Два звонка. Звони, звони, милый. Меня нет дома. Ждет. Он, наверное, недоумевает там, за дверью, почему это его, такого-то красивого мачо, не пускают, держат за порогом. Почему это машина послушная киска не выпрыгивает тут же из квартиры ему навстречу?

Еще раз позвонил. Два звонка, но уже более настойчиво. Секунд пятнадцать держал звонок. И куда же это у мачи делось чувство такта? А?

Но, с другой стороны, какого черта я тогда накрашивалась и убиралась как дура? Если не открывать, могла бы просто сидеть в одних трусиках кучей, ничего было и наряжаться. И потом, как я узнаю про ночной клуб, если не впущу его и не увижу его глаза? Уж по глазам-то мужчины женщина узнает о нем все. Глаза – это их детектор лжи. А если он сейчас вообще уйдет?!

Надо немедленно впустить его! Но тут возникла другая проблема: как мне объяснить, почему я не открыла сразу? Я даже немного запаниковала.

Он позвонил еще раз, потом еще. Это вселяло надежду. Тут у меня возникла прекрасная мысль. Кажется, он позвонил раз десять, пока я в том же сумасшедшем темпе стала раздеваться, включила воду в ванной, крикнула во все горло «ща-ас!», щедро побрызгала водой на полотенце, потом обмотала им волосы, побрызгала воды на щеки, накинула халатик, распахнула настежь раму в окне комнаты (ниже узнаете, зачем), влезла в тапочки, схватила плеер с наушниками и открыла дверь.

– Это ты, милый!? А я в ванной была, из-за наушников не сразу услышала звонок. Хорошо, что кассета кончилась, а то бы так и не услышала. Ты долго звонил?

Все это я как можно радостней выпалила на одном дыхании. Он стоял передо мной чуть ли не зеленый от злости. Если бы у него была борода, она бы точно посинела. Ну как, милый, понравилось? – ликовала я про себя. А ведь я еще и

не начинала мстить.

– Я уже уходить хотел! – сквозь зубы выдавил он, сверкая на меня своими красивыми глазами.

Ах, какие глаза! Мое сердечко тут же забилося под халатиком в такт моим как бы недоуменно хлопающим накрашенным ресницам. Он даже не догадался сделать спокойный вид и сказать, что только что пришел. Он просто не ожидал такого приема. Мы стояли в дверях. Я специально не приглашала его, а вместо этого ласково положила голову ему на плечо:

– Ну прости, я не слышала звонка из-за музыки.

– Мы так и будем стоять в дверях? – не выдержал он.

Но я ответила не сразу. Сначала я также ласково посмотрела на него, глупо улыбаясь, потом с радостью сказала:

– Проходи.

Сейчас проверим, думаю, насколько он ревнив и насколько умен.

Глава третья, в которой мы ближе узнаем друг друга

«Плей-бой клевый такой...»
(из старой поп-песни)

Очень интересно наблюдать за мужчинами, когда они что-то начинают подозревать. Злой мачо заходил по комнате. Ох, девочки, сестры мои, в гневе он бесподобен.

– Ты почему так долго не открывала?

Ах, сестры, он решил закатить мне сцену! Значит, все-таки, любит? Милый мой...

– Я же говорю, что в ванной была...

– Ты же знала, что я приду.

А сам, как можно незаметнее, глазами по сторонам зырк, зырк, как ищейка, которая хочет взять след. Если бы диван от пола был более поднят, чем на семь сантиметров, думаю, он непременно заглянул бы под него: вдруг я там кого спрятала.

Глупыш мой милый...

– А почему окно открыто? Сегодня не жарко.

Есть! Попался, голубчик. Я знала, что это сработает. Зер-

но сомнений посеяно, осталось только полить его как следует, и ждать урожая. Пусть поревнует, это ему на пользу. Может, будет меньше думать о своей скелетонше.

– Проветриваю, – как можно неувереннее и после приличной паузы сказала я. «Твои мозги», – хотелось мне добавить, но я сдержалась. – Закрывать? – глупо спросила я.

Для живущих на первом этаже открытое окно – уловка стопроцентная и опасная: всегда лишний повод для ревности. Второй этаж теряет пятьдесят процентов эффективности, но все же частенько срабатывает. Я – на третьем, но с балконом, а когда есть балконы, да еще не застекленные, этаж уже играет незначительную роль.

Мерзавец подошел ко мне и, отведя мою руку, приоткрыл одну полу халатика. Я была, в той же одежде, в которой появилась на свет. «Здравствуй, милый!» Это был удар ниже пояса. Да, да, в то самое место, где находится мужское самолюбие.

- Ты же сухая! – догадался мой плей-бой.
- Я думала, ты меня не для допроса раздеваешь.
- Нет, ответь. Ты же сказала, что мылась.
- Я уже вытиралась, когда тебя услышала.
- Ладно.

Этот ревнивец не поленился пройти в ванну и потрогать висевшие там полотенца.

- Чем же ты вытиралась? Они сухие.

Я показала ему пальцем на полотенце, которым была об-

мотана моя голова. Он подошел и снял его с меня, словно лишил мое величество короны. Полотенце оказалось влажным. «Что, съел?» Я презрительно усмехнулась.

– А волосы почему сухие? – нашелся мой Пинкертон.

– Я их вообще не мочила. Я же была в наушниках.

Об этом, кстати, я сама только что догадалась.

– Зачем же ты его на голову одела?

– По привычке, – сказала я. – Ты, случайно, не ревнуешь?

Он стоял обескураженный и прекрасный. Признаться, я впервые узнала о том, что он так ревнив, и это меня веселило. Думаю, и он впервые узнал, что его киска может выкинуть такой фортель: не встретить его у порога во всем наряде, готовая и послушная.

– Пока у меня нет причин тебя ревновать, – заявил он как можно беспечнее.

Зато у меня есть! И я еще не переходила в наступление. Это была всего лишь артподготовка, любимый.

Я видела по глазам, что содержимое моего халатика не дает ему покоя. И не ошиблась, милый ревнивец стал вдруг распускать руки. Если бы не весточка Ирки, я была бы более благосклонна. Но пришлось категорически пресечь все попытки взятия бастиона.

Настала пора контратаковать.

Глава четвертая, в которой я перехожу в наступление

«Я тебя люблю,
но замуж не пойду...»
(из старой поп-песни)

Постепенно немного успокоившийся от припадка ревности, но все еще сомневающийся в том, что его не надули, мой денди сидел на диване и делал обиженное лицо. Так ведут себя дети, когда родители не дают им поиграть любимой игрушкой.

– Вчера вечером мы с девчонками ходили в ночной клуб недалеко от Арбата, – соврала я.

– В какой?

Он насторожился, стараясь придать лицу безмятежную безразличность.

Я назвала клуб. Он молчал. Ждал. Значит, Ирка не врет, иначе бы он обязательно о чем-нибудь спросил, например: зачем я вообще поперлась в клуб.

– Мы видели там тебя, – сказала я.

– Правда?

– И не одного. Ты был с маленькой стройной блондинкой.

– Я просто знакомую встретил...

– Однокурсницу, – подсказала я.

– Да. Ты ее знаешь?

– Ее все наши ребята знают, – не моргнув глазом, оговорила я свою соперницу.

– Мы по поводу экзаменов договаривались. Она много лекций пропустила...

– Конечно, и, наверняка, по уважительным причинам. Может, ты даже знаешь эти причины?

– Перестань.

Он попытался меня обнять, но я отстранилась.

– Ты всегда об экзаменах с девушками в ночных клубах договариваешься? Во время танца, да? Или за рюмочкой пунша?

– Ну, хватит.

Он даже не оправдывался больше, и это меня раздражало.

– Нет, ты, конечно, волен в своих поступках, но почему мне ничего не сказал? Разве я для тебя никто?..

Я разошлась не на шутку. Наговорила ему, кажется, даже слишком. Наговорила того, чего и не нужно было. Он долго слушал, но вдруг перешел в наступление и упрекнул меня тем, что я ведь тоже ходила в тот ночной клуб, и не доложила об этом ему. Почему же он должен докладываться? Но его упрек на меня не подействовал: я ведь знала, что меня там не было. Тогда он сказал, что, возможно, и сегодня

мое окно не зря открыто, а я в одном халатике. Нет, все-таки правильно говорят, что все мужики ревнивцы и сволочи. И этот – настоящая сволочь. Но как он, мерзавец, прекрасен! Я слушаю его глупые упреки и люблюсь им. Простить его? Или не прощать? Или простить? Или не прощать? Или...

Глава пятая, в которой я представляю читателю себя, но начинаю с Виталия

«Кукла Миша, кукла Маша...»
(из старой поп-песни)

Ревность – все-таки хорошая штука, если не очень.

Ах да, я ведь совсем забыла сказать вам, сестры, как его зовут. Рассказываю, главное, как дура, будто вы его и меня всю жизнь знали, а имени и не называю. Простите. Щас исправлюсь.

Зовут его Виталий. Имя, между нами девочками, так себе. Скользкое какое-то. Виталик. Словно с лестницы съехало. Я его зову просто – Вий. Это у Гоголя вурдалак такой был. Урод с большими веками. «Поднимите мне веки!!!» Ха-ха! А то ни хрена не вижу, кого тут сожрать. Виталик, конечно, не вурдалак. А красавчик, каких еще поискать. Но называть его Виталиком, Витей – фу! Что я – дура? Он у меня Вий! Ну, на ходой конец – Виктор. Только Виктор на французский манер, с окончанием на последний слог – ВикТОР. Тогда он меня всегда поправляет: «Я не Виктор, а Виталий. Это разные имена». Тогда – Вий, – говорю я. Или просто – Ви.

Ви-ви-ви. Между прочем, «ви» по-французски значит «да». Так что ты – мистер Да! – говорю я. – Мистер На Все Согласен. После этого он всегда хватал меня в охапку и целовал как безумный. А я притворялась маленьким поросеночком и визжала как сумасшедшая «ви-ви-ви-ви...», что, естественно, значило «да-да-да-да...», только, по-французски.

Вообще, влюбленные всегда такие идиоты! Посмотреть на них со стороны – как, прям, дети в детском саду. Видели бы вы, что мы иногда вытворяли с моим Ви. Клоуны на такое не способны, все комики от Бени Хилла до Петросяна просто отдыхают. Чего мы только не вытворяли. Сейчас вспомнить – смех один. Я не буду вам об этом рассказывать. Обоссйтесь со смеху.

Зато подобные игры всегда будоражили нас и возбуждали, и, нередко, они заканчивались сексом. Фу, какое гадкое слово «секс». Терпеть его не могу. Конечно, мы занимались любовью. Нет, тоже не то. Человечество до сих пор не может найти подходящее слово для этого дела. «Занимались» любовью! Это все равно, что заниматься ремонтом машины, или почистить зубы. Нет, мы просто любили друг друга. Да, после всяких там таких вот дурацких пустяков, глупых детских игр, мы любили друг друга еще сильнее. Не знаю, почему, но это сближало нас. Занятие пустяками всегда сближает людей больше, чем серьезные дела...

Да, я ведь отъехала от темы. Хотела рассказать о Вие, а говорю черт знает о чем. Хотя, что о нем можно сказать? Ему

20 лет, он чертовски красив и хорошо сложен. Естественно, брюнет. Естественно, 180 сантиметров. Когда одет, выглядит настоящим мачо. Когда раздет – Тарзан да и только. Когда начинает говорить – просто гипнотизер какой-то. Учится в технологическом только потому, что ужасно боится загреметь в армию. Его любимый цвет...

Вот дура! Ну, дура я, и все! Болтаю тут с вами, а вы обо мне ничего и не знаете. Только как зовут меня, знаете – это на обложке книги написано. А ведь я интересная личность. Я прям такая интересная личность, что если вы в нашем институте спросите у кого-нибудь из студентов (не студенток), где тут у вас находится интересная личность, то вам сразу-пре- сразу укажут на меня. Без дураков. А вот в каком институте я учусь, я вам, сестры, ни за что не скажу. Я скромная. Если хотите, сами узнавайте. Ну, что еще-то обо мне сказать? Что скромная – уже сказала. Естественно, блондинка. Естественно, симпатичная. Естественно, с голубыми глазами. Естественно, хорошо сложена. Умею петь, танцевать, гонять на машине, вязать, рисовать... и все. Этого мне вполне хватает. Да и вам хватит. Остальное узнаете обо мне, если не захлопните книгу на этой странице.

А еще насчет Вия, вам, наверное, до смерти хочется знать, как мы с ним познакомились? Сразу скажу, обычно познакомились, на одной вечеринке прошлым летом. И с тех пор не расстаемся. До сегодняшнего звонка Ирки я думала, что у нас настоящая любовь...

Вот черт! Глядя на него, я совсем размечталась и забыла, что он разносит меня в пух и прах. Что же он говорит?

Глава шестая, в которой мы оба терпим поражение

«Не получилось, не срослось!..»
(из старой поп-песни)

Ох, девочки, я любовалась этим самцом, как во сне. Любовалась до тех пор, пока сквозь забытие в мое сознание вдруг ни ворвалось слово «шлюха». Тут я вышла из оцепенения.

– Что ты сказал? – спросила я спокойно, в надежде, что сказанное слово относилось не ко мне.

– Я сказал, что это, может быть, не вся правда...

– Нет, до этого. Ты сказал «шлюха»...

– Да, я сказал, что иногда ты ведешь себя как настоящая шлюха, – ясно и зло выговорил он мне в лицо. – Ты даже не слушаешь, о чем я говорю. Ты спокойно стоишь и улыбаешься...

Разве я улыбалась? Вполне возможно, я ведь думала о нем... но – «шлюха»!

– Пошел вон! – как можно серьезней и жестче сказала я. Ви оторопел. С минуту он стоял передо мной с разинутым

ртом и не мог произнести ни слова.

– Пошел вон! – повторила я спокойно, но уверенно.

– Ты это серьезно? – удивился он.

– Вполне.

В доказательство серьезности своих слов, я прошла в прихожую и открыла входную дверь.

– Уходи.

– Ты не пожалеешь об этом?

Он все еще стоял посередине комнаты, не сделав ни шагу. Он просто не верил своим ушам, не верил своим глазам. Его послушная лошадка, на которой он так легко катался целый год, вдруг начала брыкаться и лягаться.

– Уходи, – повторила я.

– Хорошо.

Он тронулся с места и пошел прямо на меня, злой, уверенный в себе, его глаза блестели адским светом. Это был дикий мустанг, необузданный и строптивый, уверенный в себе мачо. Я чуть было не бросилась ему в ноги с уверениями, что пошутила, с просьбами не уходить, с извинениями и поцелуями. Ноги мои сами по себе подгибались. Каких усилий мне стоило удержать себя, устоять на месте, когда он прошел мимо и, хлопнув дверью, скрылся, возможно, навсегда.

Едва закрылась дверь, силы покинули меня. Ноги перестали слушаться, будто тряпочные, они стали оседать подо мной, и я не могла сопротивляться. Я опустилась на пол тут же, у дверей и зарыдала, точно так же, как это делается во

всех любовных романах, во всех мыльных операх. Господи, до чего же все мы банальны! Я сидела на полу в прихожей возле входной двери и ныла самым противным образом, распуская сопли. А что теперь мне еще оставалось, скажите? Бежать за ним? Он ведь даже не оправдывался, что гулял с другой, даже не извинился.

Да, я победила в этой схватке, но что мне дала эта победа? Разве я хотела такой победы? Разве не горько мне от нее? Разве эта победа не похоже на самое страшное поражение? Да и вообще, разве это победа, если он ушел, если он не валялся у меня в ногах?

Знаете, о чем я тогда подумала? Я подумала о том, что мы никогда не можем победить тех, кого любим. Любовь поражает! Чтобы победить, надо разлюбить. Но как? Говорят, что для того, чтобы излечиться от одной любви, необходимо заразиться другой любовью. Но как?

Глава седьмая, в которой разбиваются последние надежды

«Я была в агонии, а ты – в вагоне...»
(из старой поп-песни)

Иного лекарства, к сожалению, не существует.

Где-то я читала, что уход любимого человека по психическому состоянию переживается так же сильно, как его смерть. Но мне кажется, что эта формулировка не совсем точна. Здесь есть какая-то уловка. Выходит, что если любимый тебя бросил, то для тебя он как бы умер? Но смерть близкого человека, или любимого, таит в себе не только страдание тех, кто любит, но и их освобождение. Значит, если любимый человек уходит (умирает), то ты получаешь свободу. В какой-то мере так оно и есть, но все это слишком цинично, вы не находите?

Я бы сказала, что уход любимого человека по психическому состоянию переживается так же сильно, как не только его смерть, но и смерть собственная. Твоя душа была наполнена им, и вдруг душа твоя опустела. Чем жить? Кем жить? И ты умираешь заживо. Да, именно это я почувствовала тогда.

Свою смерть.

Неужели это я час назад была так уверена в себе? Я сама хотела прогнать его. Прогнала, и что? Теперь я готова бежать за ним и пасть в ноги, лишь бы он вернулся...

Какого черта! Может он еще стоит за дверью и ждет, что я выскочу за ним? Эта мысль поразила меня как удар кувалдой по лбу. Я не поднялась с пола и даже не вскочила, я выстрелила, словно ракета. Такой прыти я от себя не ожидала. Кажется, я даже немного оторвалась от пола, будто вместо ватных ног к моей заднице вдруг приделали пружины.

Все сопли моментально были намотаны на рукава, слезы аккуратно, но поспешно вытерты платочком, чтобы не размазать косметику. Глаза красные... пусть! Я ведь иду «на щите», а не «со щитом». Скорей! Скорей! Скорей! Может, он еще у дверей! Боже мой, кажется, я стала сочинять стихи. Что делает любовь! Трясущимися руками я с трудом открыла замок и пулей вылетела из квартиры.

Никого.

Может, он еще не вышел из подъезда?

– Ви-и-и!!! – заорала я как сумасшедшая и бросилась к лифту.

Лифт был занят. Возможно, это он еще спускается вниз, не дождавшись, когда я выйду за ним из квартиры.

– Ви-и-и! – снова заорала я и пустилась вниз по лестнице, ведущей вверх, или как там, у Бел Кауфман.

На первый этаж я выскочила одновременно с лифтом. Он

стал открываться, и я чуть не бросилась на шею какой-то старушке с мопсиком на руках. Они оба выпучили на меня глаза, как в американских комедиях — по чайному блюдечку — и оба издали звук, похожий на «и-и-и». Не знаю, как такой звук получился у мопсика, для собак он не характерен. Но, чего не сделаешь со страху. Я ясно слышала «и-и-и» из двух динамиков. Может, они с бабушкой так долго сосуществуют, что научились говорить на одном языке?

Все это произошло в одно мгновение. В следующий же миг я уже была на улице возле подъезда и сосредоточенно шарила глазами по двору. Ви нигде не было.

Как одержимая я бросилась к автобусной остановке, что за домом. На Шоссе Энтузиастов было воскресное оживление. Вия я не нашла. И только заметив, что на меня все подозрительно поглядывают, я обнаружила, что разгуливаю в одном легком халатике и тапочках.

Глава восьмая, в которой я продолжаю представлять своих друзей

«Если с другом вышел путь –
веселей дорога...»
(из старой поп-песни)

Знаете что, тут я немного расскажу про Ирку. С Иркой мы вместе учились в школе. Живет она на соседней улице и учится в литературном институте имени Горького, что на Тверском. Мы с ней лучшие подруги. Она жгучая шатенка, то есть абсолютно рыжая с ног «до самых кончиков», как говорится в рекламе. Не девка – огонь. Загорается от первого встречного и готова спалить его дотла. Она уже многих спалила. Опыт у нее в этих делах огромный. Со своей матерью они словно подруги, рассказывают друг другу о своих дружках всё до мельчайших подробностей, вплоть до того, у кого какой величины и кто как двигается. В общем, мать знает о ней всё и всё ей разрешает. Во всяком случае, так говорит сама Ирка.

После Вия, на этом круг моих близких друзей заканчивается. Хотя теперь из него, видимо, Вия нужно будет ис-

ключить. Так что у меня, как видите, совсем маленький круг близких друзей. Не круг, а кружочек какой-то. Теперь только Ирка и всё. А Ви? Неужели он ушел насовсем? Мне не верилось в это. Не хотелось верить.

Так вот, это, что касается близких друзей. Так сказать, внутренний круг. Есть у меня, правда, еще и внешний круг, в который входят не такие близкие друзья, как Ирка или Ви. Этот круг пошире. В нем значатся: Тимур – Иркин теперешний приятель, Лешка Ковалев, Дашка Юшина, Петька Кайзеров, Поля Петрова, Катька Турецкая, Лариска Полторастова, Сашка Лягушев и можно назвать еще Ниночку Казакову. Сама Ниночка утверждает, что находится в каком-то родстве с широко известной когда-то поэтессой Риммой Казаковой. Но нам всем это до фени. От Казаковой мы слышали только имя, стихов ее уже никто не знает. И нам плевать на такое родство Ниночки.

Еще есть у меня круг так называемых знакомых-товарищей, в который входят все остальные, кого я знаю, и с кем в хороших отношениях. Это, например, ребята с моего курса, какие-то школьные приятели и дворовые знакомые.

В общем, все как у многих москвичей. Соотношения 1-10-100-1, то есть один самый близкий друг, десять товарищей, сто знакомых, а положиться не на кого и в трудную минуту все равно остаешься один.

Глава девятая, в которой Ирка спасает меня от самой себя

«Помоги мне,
сердце гибнет!...»
(из старой поп-песни)

Вообще-то, к Ирке это не относится. Она всегда появляется в трудную минуту. За это я ее и ценю. Вот и в этот раз ввалилась Ирка, когда я была вся в соплях и слезах. Я даже не заметила, как она вошла. Видимо, я так и не закрыла дверь, вернувшись с улицы. Я сидела на кухне в одном халатике, допивала водку, которая была приготовлена для Вия, и размазывала по столу свое горе. Тут-то и появилась Ирка.

– Ну-ка, дай! – сказала она вместо «Здравствуй, милая подруга!» и выхватила у меня из рук бутылку. – Почти все выжрала! – с каким-то презрением прошипела она.

Только тут я заметила, что уже почти ночь, потому что эта гадина включила свет, и он как лопатой ударил мне по глазам, я даже зажмурилась и замычала от боли, потом осторожно открыла один глаз. За окном сразу стало темно, а на кухне – светло, как на празднике в детском саду. Не успела

я очнуться, как эта стерва уже допивала мою водку.

– Э-э-э, – я протянула было руку, чтобы выхватить у нее стакан, но она так сильно треснула меня по пальцам, что на коже моих нежных пальчиков остались следы от ее грабли.

Естественно, я надулась.

– Никогда не пей одна! – заявила эта халявщица и стала с аппетитом пожирать мои закуски, любовно приготовленные мной для Вия.

– Почему я не могу напиться одна?

Вообще-то, я надулась и не хотела с ней разговаривать, ну да ладно, само вылетело.

– Во-первых, – это скучно; во-вторых, – это вредно; а в-третьих, – много чести тому, по чьей вине ты это делаешь.

– Откуда ты знаешь, по чьей вине я это делаю?

Я все еще не хотела с ней разговаривать, но больно уж она заумничала с полстакана-то.

– Это не важно, а важно то, что я тебе сказала.

Какая важная стала! Вот если сейчас взять и плюнуть ей прямо в харю, посмотрела бы я тогда на ее важность. Представив удивленно-ошарашенное лицо Ирки, после того, как я неожиданно плюну ей в глаза, я даже заулыбалась словно медная параша и устоялась на подругу.

– Ну, чего ты теперь лыбишься?

– А тьфу на тебя!

Я, конечно, не плюнула, я просто сказала это как можно мягче. Лучшая подруга все-таки. Не плюй в колодец, не

плюй против ветра, старый друг лучше новых двух, и т.д., и т.п. Народная мудрость.

– Давай, одевайся! – почти приказала Ирка и стала вытаскивать меня из-за стола.

– Зачем... что я тебе сделала.. чего ты от меня хочешь... что ты ко мне пристала...

Но она не слушала мое нытье. Она намочила полотенце и вытерла мне лицо. Она одевала меня, как маленькую девочку, как свою собственную дочь. Дошло до того, что я не выдержала и разревелась у нее на руках.

– Ничего, ничего... – приговаривала Ирка и гладила меня по голове.

Глава десятая, в которой мы с Иркой развеиваем тоску

«Пили всю ночь,
гуляли всю ночь
до утра-а-а...»
(из старой поп-песни)

Если есть время разбрасывать камни, то это время развлечений.

Мы с Иркой часто делали это, когда совершенно нечем было заняться. Я уже и не припомню, кому из нас первой пришла в голову идея развлекаться таким образом. Но это развлечение нам нравилось, хотя оно и таило в себе некоторую опасность, потому что можно было нарваться на какого-нибудь маньяка. А может быть, именно опасностью нам это и нравилось.

Мы выползли на Шоссе энтузиастов... Вот тоже мне названьце. Кого тут имели в виду? Жителей домов, выстроенных вдоль шоссе, или дорожных рабочих, которые его строили за гроши? Или, может быть, водителей авто, которые тут гоняют по ночам, сломя голову? Энтузиасты, блин. Это шос-

се — одна из наиболее опасных трасс в Москве, и выходит прямо на кольцо. На нее-то мы и выползли среди ночи, чтобы поймать машину. Нам даже не пришлось голосовать. Первая же появившаяся тачка притормозила перед нами, едва мы подошли к автотрассе.

— Вам куда, девочки?

Для безопасности в этой игре необходимо было соблюдать правила. Правило первое — без особой необходимости не играть в эту игру одной. Правило второе — без особой необходимости не садиться в машину, если там больше одного мужчины. Правило третье — никогда не садиться к пьяным водителям или к тем, кто с первого взгляда не внушает доверия. И хотя даже соблюдение всех трех правил не гарантирует вам безопасности, риск налететь на сволочь все равно остается, но именно этот риск и придает игре пикантность, заставляющую всегда быть начеку. У Ирки на крайний случай в сумочке постоянно находится заряженный газовый баллончик и «трубочка» с электрошоком.

Первый водила оказался баскетболистом. Он играл в какой-то московской сборной. Его ноги выставлялись выше сидения, а голову ему постоянно приходилось нагибать, чтобы посмотреть в лобовое стекло. Было непонятно, как он вообще уместился в своем пежо. Просто складной какой-то. Когда он попросил у Ирки номер ее сотового, она дала мой. Тогда я, в свою очередь, дала ее номер, когда он попросил у меня. Ирка ввела в свой сотовый его номер, а я не стала,

сказала, что потом спишу у Ирки, если нужно будет.

Баскетболиста звали Николаем. Он высадил нас там, где мы попросили, и сказал, чтобы мы обязательно позвонили ему, а он бесплатно проведет нас на баскетбольный матч. Распрощавшись с ним, мы перешли на другую сторону шоссе и едва остановились, как услышали мягкий звук тормозов. Черный мэрс с тонированными стеклами, как умный мустанг, застыл в ожидании команды своего хозяина. Стекло плавно и беззвучно поплыло вниз.

– Подвезти?

Ирка заглянула в салон. Водитель был один.

– Нам до Буденовского, – сказала она, давая этим мне понять, что риск минимален, то есть, кроме водилы никого нет.

На этот раз нам попался директор кафе. Ему было около пятидесяти, хотя он и утверждал, что «недавно проводил сороковник». Борис (так он представился) тоже выпросил у нас телефон, а взамен дал каждой свою визитку и пригласил в кафе, пообещав «бесплатный стол», если мы заранее предупредим его о визите.

Он не понравился мне, и я дала ему вымышленный номер. Но он тут же набрал номер Ирки, и у нее запиликала мобила. Затем он улыбнулся и набрал мой номер.

– Мой мобильник дома на подзарядке, – нашлась я. – Лучше выключи, а то возьмет отец или брат, – нагло врала я.

Борис улыбнулся и выключил сотовый.

Итак, два новых знакомых у нас уже были. У Буденовско-

го мы распрощались с Борисом и снова перешли на другую сторону шоссе. Водитель БМВ угостил нас пивом и чипсами. Он оказался частным предпринимателем, промышлявшим компьютерами и мобильниками. Ирка тут же договорилась с ним о номой программе для своего «пентяры». Так мы катались туда-сюда часа два. Общение с незнакомцами, новые лица и Иркины старания сделали свое дело – я немного развеселилась.

– Интересно было бы посмотреть, какой член у того баскетболиста, – сказала вдруг Ирка, когда мы поджидали очередную тачку. – Сам он, по всей видимости, больше двух метров. У него, наверное, и член соответствующих размеров.

– А вот будет прикол, если у него сморчок в двенадцать сантиметров, – сказала я.

Мы захохотали как дуры.

Глава одиннадцатая, в которой весь мир кажется другим

«Губит людей не пиво –
Губит людей вода...»
(из старой поп-песни)

Даже самые умные люди – глупцы, потому что вообще все люди – дураки набитые. И каждый думает, что он умней остальных. И каждый думает, что он тот единственный пуп земли, которого должен любить и непрестанно опекать сам Господь Бог. А как же иначе? А кого же еще? Не соседа же. Его-то за что? Глупо все это.

Едва я успела открыть крышку унитаза, как из меня выстрелил целый фонтан непереваренных продуктов. Я стояла перед толчком на четвереньках, как перед божеством, и без конца рычала раненым зверем. Из меня уже больше ничего не выходило, а позывы были так сильны, что, казалось, вот-вот вылезут кишки. Мое рычание уже превратилось в непроизвольное дикое бляение, из чего можно было заключить, что домой я вернулась паршивой овцой. Бэ-э-э-э...

Наконец, утирая слезы и сморкаясь, я села на пол возле

ванны.

Мой мир исчезал.

Одинаково глупы и мужчины, и женщины. Знаменитая русская феминистка Маша Арбатова, по большому счету, глупее даже самого последнего мужчины-подкаблучника. Тот хоть и потерял свое мужское достоинство, так не пытается отнять его у своей половины. Все феминистки достойны лишь тряпок-подкаблучников. Из любого мужчины они могут сделать только тряпку, о которую сами же вытирают ноги и жалуются, что он не мужчина, не рыцарь на белом коне. Глупо. Я бы всех феминисток посадила в колонии строгого режима: пусть живут себе в своем раю без мужчин. Тогда живо увидят, что их рай – это настоящий ад.

Только самая глупая дура из дур будет утверждать, что женщина в чем-то выше мужчины при том, когда каждая девочка, едва осознав себя женской особью, мечтает о мужчине. В своих самых сокровенных мечтах мы не мыслим свою жизнь без мужчин. И чем мы взрослей, тем сильнее наше естество требует мужского внимания. Если у нас нет любимого мужчины, мы доходим до того, что готовы отдаться первому встречному. Старые девы задирают нос и говорят о феминизме, а дома ублажают свою плоть искусственными фаллосами. И фаллосы эти такие, что любого мужчину вгонят в краску. Они поливают грязью мужчин, будучи сами в грязи по макушку, и грязью они считают природное естество, мечтая при этом отдаться самому большому самцу гориллы.

Глупость и ложь – имя вам женщины. Не будем лицемерить, сестры.

Мужчины! Вот мерило женского счастья. Как бы мы ни ругали мужчин, как бы мы ни втоптывали их в грязь, как бы ни залезали им на шею и в карманы, как бы мы их ни ненавидели, они – наше счастье. Мы живем с мечтой о мужчине, мы ложимся спать с мечтой о мужчине, мы просыпаемся с мечтой о мужчине, мы рады, когда видим мужчину во сне, мы счастливы, когда встречаем его в жизни. Когда рядом с нами мужчина, весь мир становится другим. Он становится лучше. Мы становимся лучше. Мы становимся нужными в этом мире. Мы познаем любовь.

Так давайте же, сестры, не будем лгать самим себе, что мы лучше мужчин, что мужчины – это грязные животные, воняющие потом, водочным перегаром, табаком и носками. Давайте обожествлять мужчин, и они станут для нас богами. Давайте делать настоящих мужчин из подкаблучников, а не наоборот, и мы увидим мужчин своей мечты, мы увидим своих любимых, а не жалкое их подобие.

Я задрала нос и тут же получила по носу. Я посчитала себя умней и тут же оказалась душой. Я осталась одна. Хотела ли я этого? Нет. Значит, я добилась того, чего не хотела. Мой мужчина ушел, и мой мир ушел вместе с ним. Теперь для меня все будет иным. Мне придется привыкать быть одной. Только бы не опуститься до феминизма.

Глава двенадцатая, в которой я жду звонка

«Позвони мне, позвони,
Позвони мне, умоляю ...»
(из старой поп-песни)

Есть в каждом из нас что-то необъяснимое, что-то, чего мы и сами никогда не сможем объяснить. Я ждала, что он позвонит. Это было каким-то безумством. Я буквально жила около телефона. Можно было подумать, что не телефон был при мне, а я – при телефоне. Я боялась оставить его даже на минуту. Я часами сидела и гипнотизировала его, молила, чтобы он зазвонил, молила, чтобы позвонил Ви, мой сладкий Ви. Выходя в магазин за продуктами, и беря с собой мобильник, я боялась, что он вдруг позвонит по городскому номеру на домашний телефон. Я уже сто раз пожалела, что ходила с Иркой гулять, ведь как раз в то время Ви мог позвонить на домашний телефон, чтобы проверить, дома ли я. Может, он звонил мне, а я развлекалась с этой дурой!

Так прошло несколько дней. Я назвала их днями телефонного безумия.

Однажды, когда я находилась в ванной, и взяла с собой на

всякий случай мобильник. Зазвонил домашний телефон. Я выскочила вся сырая и ринулась к аппарату. В коридоре поскользнулась и упала, и чуть не убилась, ударившись об угол. Из глаз аж искры полетели. Боль невыносимая. Но я почти не чувствовала её, пока стремилась к телефону в надежде, что звонит Ви.

Звонила мать. Как только я услышала её голос, боль от ушиба дала о себе знать во всю мощь. Из глаз у меня потекли слезы.

– Мама, я жду звонка!.. – растирая ушибленное место. – У меня все нормально... Да. Да. Хорошо... Я жду звонка. Ви должен позвонить. Не знаю! Мама! Прошу тебя. Я перезвоню. Пока.

Я стояла голая и сырая посередине комнаты, подо мной была целая лужа воды. Я держалась за ушибленное место и редела от боли и досады.

В ванной зазвонил мобильный. Я, как полоумная, ринулась в ванну, и поскользнулась в своей же луже, и снова растянулась, больно ударив правый локоть.

Звонил папа. Он, видите ли, не мог дозвониться по городскому, и позвонил на мобильный. Как у меня дела? Милые родители! Из-за вас я чуть не убилась.

– Все отлично, но я жду звонка, – сказала, стараясь не выдавать плача, потирая ушибленный локоть. – Я только что разговаривала с мамой по городскому... Да. Да. Хорошо. Мне должны позвонить, папа... Я перезвоню вам. Ладно,

ладно. Буду. Пока.

Зазвонил городской. Я ринулась в комнату, не выпуская из рук мобильного и стараясь, насколько это возможно, не поскользнуться в третий раз. Опять мама!

– Да, звонил, только что, по мобильному... Нет... Мама, я жду звонка! Нет, еще не позвонили. Хорошо. Ладно. Целу!..

Не успела я положить трубку, как зазвонил мобильный. От неожиданности я выронила его прямо на пол. Я испугалась не столько за телефон, сколько за то, что может прерваться связь. К счастью, мобильник упал на мягкий коврик возле дивана. Дрожащей рукой я схватила «трубу».

– Алло! – это была Ирка. Я чуть не закричала, я была вне себя от ярости, но кое-как сдержалась. – Ира, я жду звонка от Вия!.. Нет... Нет... Потом. Я сама позвоню. Пока... Хорошо. Давай!

Всем вдруг понадобилось позвонить именно сейчас! Это просто наваждение какое-то, подумала я. Но больше никто не звонил. За весь день больше не было ни одного звонка! Всего каких-то пять сумасшедших минут не нужных телефонных разговоров, два ушиба, и все! Никто не звонил и вечером. Ночью я не выдержала и, совсем потеряв гордость, позвонила сама. Домашний телефон молчал. Я позвонила на сотовый. В телефоне прозвучал безучастный голос, безжалостно оповестивший меня о том, что «абонент отключен или находится вне зоны досягаемости».

Как точно сформулировано: «вне зоны досягаемости».

Или, как там в песне: «вне зоны доступа, мы дышим воздухом...». Каким, на хрен, воздухом?! У меня отняли воздух! Мне нечем дышать! Хотя бы глоток! Хотя бы голос его услышать...

Я просидела у телефона, кажется, часов до двух ночи. Так и уснула, положив его около себя на диване.

Разбудил меня телефонный звонок. Я вскочила, как ошпаренная. Мне показалось, что я не спала и пяти минут, а за окном уже было светло. Я схватила трубку.

– Ви!?

– Алло, это Каролина? – сказал незнакомый голос.

– Да. А кто это?

– Николай.

– Какой Николай?

– Я подвозил вас с подругой недавно на машине, с Ирой, помните?

– Не помню.

– Ну, Николай, баскетболист. Помните? Мы еще номерами мобильных обменялись. Помните?

– Нет. И что?

– Да просто... я звонил вам, а попал на Иру... Потом догадался, что вы специально номера поменяли. Для смеху, да?

– Слушай, Николай, – прервала я его. – Иди ты на хрен! Разбудил меня ни свет ни заря...

Я бросила трубку и взглянула на часы. Было половина двенадцатого дня. Вот это так «ни свет ни заря»! Что он обо мне

подумал? Да пошел он! Нужно было вставать. А Ви так и не позвонил.

Глава тринадцатая, в которой меня имеют не только телефонные компании

«СМС-ками, факсами ...»
(из старой поп-песни)

Наверное, вы думаете, сестры, что я отступила? Вы ошибаетесь. Я встала и снова набрала его квартирный номер. В трубке зазвучали длинные гудки, потом включился автоответчик: «Меня нет дома. Оставьте свое сообщение, после звукового сигнала». Вчера автоответчика не было. Были просто длинные гудки. Значит, он его подключил или вчера ночью, или сегодня утром. Я позвонила еще раз, и снова ответил автоответчик.

Очень удобное приспособление. Какой извращенец придумал автоответчики? Я положила трубку на место. Разговаривать с автоответчиком мне не хотелось. Но я захотела еще раз услышать голос Ви.

Я позвонила опять, дождалась автоответчика, прослушала и снова положила трубку. Потом еще раз. Потом еще и еще. К телефону никто не подходил. Сначала я просто слушала его голос и молила, чтобы он взял трубку. Потом сда-

лась и стала оставлять ему сообщения, в которых также молила взять трубку.

Я капитулировала. Я просила прощения. Просила о встрече. Унижалась. Потом я стала бросать трубку, как только слышала автоответчик. Мне он стал противен. Мне даже не хотелось, чтобы Ви узнал, что звоню я, хотя у него был и определитель номера, который каждый раз подсказывал ему о моей капитуляции. Какой поганец придумал определители номеров?!

Ну и пусть, ну и пусть, думала я. Словно сумасшедшая, одержимая какой-то идеей-фикс, я терроризировала телефон. Но никто мне ни разу не ответил. Создавалось впечатление, что я звонила в нежилую квартиру. Куда он провалился?!

Вы думаете, я остановилась на автоответчике? О, нет! Я была гораздо изощренней. С трудом пережив десять минут после прекращения разговора с автоответчиком, я хваталась за сотовый и набирала его номер. Если его нет в квартире, то уж на сотовом-то он должен быть. Но каждый раз либо абонент был «вне зоны досягаемости», либо просто никто не блат трубку.

Тогда я стала посылать ему СМС-ки. Вот уж их точно придумал извращенец. Скрязистый извращенец! Никогда в жизни я не тратила столько денег на СМС-ки. Чего я только ни писала. Я послала ему, кажется, тысячу СМС-сок! Сотни тысяч! Миллионы! Можно было роман составить по моим

СМС-кам. Кстати, я даже думала подсказать Ирке эту идею: написать роман, ну, или повесть, или даже рассказ по СМС-кам. Было бы необычно.

Господи, сестры, чего я только ни писала Вию! Я полностью уничтожила саму себя. Я даже поклялась, что готова на все, лишь бы он вернулся ко мне. Ирке я решила не говорить об этой своей телефонной капитуляции. Мне просто было стыдно. Хотя сейчас я подозреваю, что она уже тогда знала обо всём.

И вот, в один прекрасный вечер, как пишут в романах, хотя, мне стоило бы написать: в один паршивый вечер, или: в один из самых паршивейших вечеров в моей жизни... в общем, в конце концов, я добилась того, что Ви ответил-таки на мою СМС-ку. Он написал, чтобы я отстала от него и оставила его в покое. Эта его последняя СМС-ка и сейчас хранится в моем мобильном. На память о пережитой смерти. Смерти любви. Всего три слова: «Все кончено. Отстань!»

Он убил меня. Тогда мне не хотелось верить, что СМС-ку послал именно он. Мне нужно было услышать эти страшные слова из его уст, увидеть его глаза. Может, это послание написала его новая подруга, воспользовавшись его мобильником? Чего только я ни напридумывала в то время, чтобы принять желаемое за действительность, иначе я умерла бы от горя. Гораздо чаще, чем мы думаем, сестры, мы спасаемся самообманом. Иногда он помогает нам выжить, иногда — губит нас.

Глава четырнадцатая

в которой я пытаюсь вернуть свою любовь любой ценой

«Я за ним одним,
я к нему одному...»
(из старой поп-песни)

И вот, я не выдержала. Я собралась и отправилась к его дому. Весь вечер я следила за его окнами и подъездом, прячась за деревьями сквера, словно шпион. К ночи в его окнах свет так и не зажегся. Значит, его не было дома. Но я и не думала уходить. Нет, я к тому времени дошла уже до той степени покорности, что могла, как собака, сутками сидеть на месте, ожидая своего хозяина.

Я зашла в подъезд и поднялась на одиннадцатый этаж. После минутных мучений я осмелилась нажать на звонок. Никто не ответил. Я нажала еще раз, потом еще. Потом я нажала и не отпускала звонок целую вечность. Я знала, что его нет дома, но у меня оставалась надежда на чудо, которого так и не произошло.

Я стояла против его двери и не знала, что мне делать. Домой идти не хотелось. Моя квартира казалась мне холодным

карцером. Там царило только мертвое одиночество. Я села на ступеньку лестницы и стала ждать. Больше всего я боялась того, что кто-нибудь из соседей по лестничной площадке откроет дверь и прогонит меня. Я слышала, как на других лестничных площадках, с верхних и нижних этажей, ходят люди, как они опускаются и поднимаются в лифте. И каждый раз, когда лифт поднимался вверх, мое сердце начинало бешено биться, словно воробей в клетке. По мере того, как лифт поднимался все выше и выше, сердце мое билось все сильнее и сильнее. Когда лифт подходил к одиннадцатому этажу, мне казалось, что мое сердце сейчас просто выпрыгнет через рот, потому что даже дышать было трудно.

Но лифт ни разу не остановился на одиннадцатом этаже. И ни разу никто не вышел из соседних квартир, словно они сговорились и уехали за город все вместе.

Было уже около часа ночи. Я еще раз набрала его номер на мобильном, но результат был тот же. Похоже, что он просто заблокировал мой номер. Я не знала, что мне делать. Несколько раз я порывалась уйти, даже спускалась на улицу, торчала у подъезда и снова возвращалась. Я не могла уйти. Мне казалось, что если я уйду, то упущу его. Я даже боялась отойти в магазин, чтобы купить газировки, боялась, что в это время он пройдет, а я не узнаю.

На лестничной клетке я выглянула в открытое окно, которое было зарешечено декоративными стальными прутами. Внизу сияла огнями Москва. Праздничная, приветли-

вая, сказочная. А мне не хотелось жить. Вот сигануть бы сейчас с этого этажа вниз, пусть бы он нашел меня утром возле подъезда, расплющенную в лепешку. Но мудрые строители все окна закрыли решетками. Иначе только ходи, да трупы собирай у подъездов.

Я опять стала названивать в дверь. Потом присела на корточки в углу возле лифта, где не очень было меня видно из соседних квартир, и заплакала. Я плакала тихо, почти не слышно. Мне было холодно. Мне хотелось пить и есть.

Когда я проснулась, мобильник показывал половину шестого утра. Пора в нору. Зомбированным мертвяком я поплелась к остановке.

Глава пятнадцатая, в которой я стараюсь создать новый мир

«Мир без любимого –
Солнце без тепла...»
(из старой поп-песни)

Если бы счастье можно было купить, люди стали бы еще несчастнее.

Полководцы говорят, что лучший способ забыть о поражении – начать новую битву. Но что делать, если тебя разбили наголо, если нет сил даже встать на ноги, если все, что ты можешь, – только стонать и жалеть себя. Что делать, если весь твой мир полетел в тартарары?

Значит, пришло время остановиться и осознать, что бороться больше не за что; значит, пришло время смириться и начать новую жизнь. Пришло время зализывать раны.

Гибнут галактики и планеты, гибнут цивилизации и страны. Глупо плакать сегодня, что пала Киевская Русь, глупо жалеть, что нет больше царской России, глупо восстанавливать Россию советскую. Надо любить и улучшать то, что имеешь. Надо беречь то, что имеешь. Тогда, может быть, избе-

жишь потери.

Я не уберегла. И теперь, чтобы забыть свое поражение, я должна начать новую битву. Как ни парадоксально, но для того, чтобы разлюбить, я должна снова полюбить. Полюбить другого. Только это сказать легко «полюбить другого», а как это сделать, если раны все еще кровоточат.

«Нужно время», – говорит Ирка, будто кто-то с ней спорит. Я и сама знаю, что нужно время. Только когда оно придет, это время? А? Я вас спрашиваю, сестры, когда оно придет?

Сколько надо времени, чтобы сердце перестало любить? И сколько надо времени, чтобы оно полюбило вновь? Хватит ли у меня жизни?

Я смотрю телевизор, а он мне показывает только Вия. Я слушаю радио, но оно говорит только о Вие, и каждая песня поет о нем. Я сажусь обедать и не могу есть, потому что он смотрит на меня из каждой ложки, поднесенной ко рту, из тарелки, из чашки. Он сидит рядом со мной, такой мачо, блин, и не дает спокойно пожрать! Да я и не хочу есть, нет аппетита.

А ночью! Господи, ночью можно просто с ума сойти! Он всегда рядом. Он спит вместе со мной. Он целует меня, едва я закрываю глаза. Я целую его. Мы занимаемся сексом, едва я начинаю дремать. Он буквально не дает мне спать! Это какой-то сексуальный маньяк. Это кошмар. Я вся измучалась. Я не могу спать, потому что он оккупировал мои сны. Целы-

ми ночами я лежу дура дурой с закрытыми глазами без сна и думаю о нем. Но открывать глаза нельзя, потому что по ту сторону век его нет. И это мучительней вдвойне.

А ведь мне девятнадцать. Через пять-шесть лет я уже буду старухой. Кому я буду нужна? На лице появятся морщинки, на руках кожа станет дряблой. Фу-у, гадость! Лучше отравиться в двадцать лет и быть всегда молодой.

Я стремглав бросаюсь на каждый телефонный звонок, но это всегда оказывается кто-то другой, и я стараюсь быстрее отвязаться и повесить трубку.

– Вий! Вий! Ви! Прости меня, дуру! Вернись ко мне, Ви! Ви-и-и-и! – ною я.

Через неделю такой жизни Ирка нашла меня в ванной на полу в обеденное время. Я спала. Я была похожа на сумасшедшую алкоголичку с необитаемого острова. Ирка подвела меня к зеркалу, и я поняла, что новый мир я создать не смогла.

Глава шестнадцатая, в которой Ирка вытаскивает меня из моего погибшего мира

«Все, что меня касается,
Все, что тебя касается –
Все, только начинается,
Начинается...»
(из старой поп-песни)

На меня смотрела какая-то наркоманка с сизыми мешками вместо подглазий, с растрепанными волосами и красными, воспаленными от слез, глазами. Лицо было настолько худым, что нос казался в два раза больше обычного. Я с отвращением отвернулась от зеркала.

– Это твоё прошлое, – сказала Ирка. – А сейчас мы будем делать твоё будущее. – Она взяла меня за руку и, словно маленькую девочку, снова потащила в ванную. – Сейчас ты у нас станешь той, кем и должна быть. Сейчас ты станешь хорошей девочкой, настоящей куколкой. Глупенькой улыбающейся дурочкой, – говорила она, умывая меня, как ребенка.

– Не хочу – глупенькой! – капризничала я. Но Иркин голос звучал так приятно, так нежно, что мне хотелось распла-

каться и распустить сопли на ее груди.

– Ты должна быть глупенькой, – уговаривала Ирка.

– Не хочу! – упорствовала брошенная глупая дура.

– Надо! Не будешь глупенькой, – самцы не посмотрят на тебя. Глупость – всего лишь наживка для самцов. Рыбак ничего не поймает с пустым крючком. Для рыбки нужна наживка, – поучала Ирка, расчесывая мне волосы. – Умничанье – все равно, что пустой крючок: остро, колко, да всех рыб отпугивает. Это самцы придумали, что все мы дуры. Льстят своему уму. И чтобы мы не забывали за собой следить. На самом деле мужики еще больше чем мы любят ушами. Было бы это не так, – секс по телефону никогда бы не появился. Скажи любому уроду, будто видишь в нем мужество и силу, и он прилипнет к тебе, как банный лист.

Я улыбнулась. Кажется, это была первая моя улыбка за неделю.

– Наконец-то! – воскликнула Ирка. – Мы начали оживать!

Она покрасила мне ногти, ресницы, губы; она помогла мне одеться, будто я была совсем беспомощной.

– А теперь – на свежий воздух! – скомандовала Ирка.

Этого я так скоро не ожидала и снова попыталась закапризничать. Но Ирка не слушала мне нытье. Она буквально выволокла меня на улицу.

– Сегодня ты будешь делать всё, что я тебе скажу! – приказала моя мучительница.

Глава семнадцатая, в которой Ирка учит меня жизни после смерти

«Оранжевое небо,
оранжевое солнце...»
(из старой поп-песни)

Ах, сестры, эта дура вытащила меня из дома еще засветло. Еще и обед не начинался. Я не о приеме пищи, об этом я давно забыла, я о том, что пойти в такую рань в Москве совершенно некуда. Не в Третьяковке же проводить время до вечера. Только не подумайте, что я что-то имею против Третьяковки. Нет. Просто в моем положении... ну, вы понимаете. Это было бы слишком.

И солнце, как назло, всю жарило. Кругом зелено, птички щебечут. Мне казалось, что мир был очень даже рад моему горю.

Я покорно слушалась Иркиных приказов. Что мне еще оставалось? Сдохнуть в одиночестве мне не дали. Сойти с ума от горя и несчастной любви тоже, видимо, не дадут. Прекрасно. Эта дура говорит, что мне нужно размять ноги после недельной отсидки дома. Кому, интересно, понадобились

мои ноги? Она это называет моционом. Ну ладно, я плетусь с ней. Три остановки до метро пёхом! Моцион, блин.

– Смотри, какие мальчики, – говорит она при каждом встречном поперечном. – Улыбайся, улыбайся!

– Что мне, через силу, что ли, лыбиться, как идиотке? – огрызаюсь я.

– Естественно, через силу! – поучает Ирка. – И именно – «как идиотке». Ни одна умная женщина не стала бы искренне улыбаться этим придуркам. Ты только посмотри на них. Идут, самодовольные. Мы – самцы! Вон-вон, на того глянь! Кто я! Улыбайся, улыбайся ему. Во, видела! Хмырь какой. – Ирка вовсю лыбилась, как медная параша. – А вона, смотри, облегающие джинсики натянул на свои косточки. А облегать-то и нечего. Срамота! Я, мол, – самец! У меня, мол, есть хоботок. А хоботок-то с ноготок. Смотри, сейчас к нам приставать начнет. Не улыбайся, он мне не нравится!

– Девушки... – едва успели сказать обтягивающие джинсики, как Ирка заржала, словно лошадь.

Этот прием всегда срабатывает. Парни обескуражено останавливаются, а мы наоборот, ускоряем шаг. Тут главное не оборачиваться. Тогда самец понимает, что он не нужен. Иначе он может увязаться.

– Вон, вон еще. Улыбайся! Запомни, сестра, в жизни всегда надо улыбаться. Даже если горе. Нет, – особенно, когда горе! Можешь просто скалить зубы, если больно, все равно самцы примут это за улыбку. Тогда выживешь. Улыбайся!

Попробовала бы она на моем месте. Учить легко. А вот улыбаться, когда даже жить не хочешь...

– Ви-и-и! – тяну я вместо «сы-ы-ыр», и гримаса, похожая на улыбку, растягивает мои губы. На глазах выступают слезы.

– Вот молодец! – говорит Ирка. – Улыбайся! Я тебя вытащу на свет божий, сестра. Ты у меня оживешь.

Глава восемнадцатая, в которой я вспоминаю о наших детских играх

«Чур-чура – детская игра,
Поиграли – бросили...»
(из старой поп-песни)

Помню, еще в начальных классах мы с Ирк^{ой} играли в эти игры. Игру с улыбкой мы называли «Сила улыбки». Она в том и заключалась, что нужно было просто идти по улице и издалека улыбаться каждому прохожему мальчику. А потом мы подсчитывали, скольких парней мы встретили и сколько из них клюнули на нашу улыбку. Всегда получалось примерно шестьдесят процентов. Не плохой результат. Но и те сорок процентов парней не реагировали скорее из-за своей стеснительности, чем от нежелания познакомиться. Труднее было иногда отвязаться от некоторых прилипал.

Вторая наша игра называлась «Сила взгляда». Нужно было, не улыбаясь, смотреть в глаза выбранному из встречных прохожих парню, а потом, когда расходились, один раз обернуться. Как в песне: «я обернулся посмотреть, не обернулась ли она...». Но оборачиваться по правилам игры можно было

не более одного раза, как будто парень сильно похож на какого-нибудь вашего знакомого. Иначе это выглядело бы просто приглашением познакомиться.

Результат игры тот же – шестьдесят процентов из встречаемых пытаются познакомиться. Но оборачиваются девяносто девять процентов.

Когда мы стали взрослей, классе в седьмом – восьмом, мы начали играть в более опасные игры из этой же серии. Одна называлась «Немой намек». Все то же, что и выше, но выбранному парню мы еще подмигивали, прежде чем пройти мимо. Результат потрясающий: восемьдесят процентов из выбранных особей реагировали почти моментально.

С девятого класса мы стали включать в свои игры и взрослых мужчин. Эти были более осторожны, но процентов пятьдесят из «подмигнутых» всегда набиралось.

Потом, когда перед нами стали останавливаться тачки и водилы спрашивали, не нужно ли нас куда подвести, мы придумали ту самую игру с халявным катанием на машинах. Игру мы так и называли: «Халявная тачка». Но это была опасная игра и мы отдавали себе в том отчет, потому старались никогда не забывать о безопасности, о тех правилах безопасности, про которые я уже рассказывала.

Были у нас и не только уличные игры. Например, игра для компаний, под названием «Клиент созрел». Попав вдвоем в какую-нибудь компанию, мы выбирали парня, обязательно какого-нибудь недотепу, чтобы не влюбиться, и начинали на-

перебой оказывать ему знаки внимания. Кому первой он назначал свидание, та и выигрывала. Кстати, частенько попадались жуки (среди-то недотеп!), назначавшие свидание обоим. Но выигрывала всегда первая.

Глава девятнадцатая, в которой мы и время убиваем друг друга

«Ах время, время, времечко
Жизни отмеряет ход...»
(из старой поп-песни)

Известно, что время – странная штука. Оно быстротечно и медлительно одновременно. Оно живительно и оно же убийственно. Оно лечит раны и ранит в самое сердце. Время делает нас молодыми, и оно же старит нас. Время можно измерить с точностью до тысячной доли секунды, и одновременно оно различно для каждого человека, для каждого существа, для каждой планеты или галактики. Мы всю жизнь убиваем время, а в итоге оно убивает нас. Мы всегда зависим от времени и не можем избавиться от этой зависимости, но время никогда не зависит от нас. Оно диктует нам наши поступки, и мы не знаем, что с этим делать. Время всегда играет против нас. Оно всегда спешит, даже когда ползет как улитка. Мы то торопим время, то хотим остановить его. Но время никогда не останавливается. Мы никогда не знаем, что нам делать с нашим временем, мы только думаем, что знаем,

а потом всегда оказывается, что мы потратили время не на то, и если бы вернуть, ... но время вернуть нельзя. Пожалуй, это его единственный недостаток времени – его нельзя вернуть, оно всегда уходит безвозвратно. Время не оставляет нам никаких шансов на исправление ошибок. Каждая наша ошибка останется с нами на всю жизнь. В другой раз, возможно, мы и не ошибемся, но это уже будет другой раз, а та ошибка, которую мы уже совершили, так и останется нашей ошибкой навсегда. Навсегда – страшное слово. Оно говорит нам о том, что наша жизнь вечна. Иначе, зачем это слово? Ведь если нет вечной жизни, то нет и понятия «навсегда». Но мы не знаем даже, как провести один единственный день. Не знаем, что мы должны делать, не знаем, чем нам заняться. Не знаем, правильно ли мы поступаем, когда делаем то, что делаем. Мы вынуждены ежедневно убивать время в надежде, всего лишь в жалкой надежде, что поступаем правильно. И даже наша уверенность в своих действиях, еще не говорит о нашей правоте. Одни с уверенностью обманывают, другие с уверенностью воруют, третьи с уверенностью грабят и убивают. А по сути все мы занимаемся только тем, что убиваем время, тратим свою жизнь в поисках призрачной мечты, занимаемся самообманом.

Весь день мы с Иркой таскались по барам да болтались по центру Москвы с единственной целью – развеяться. Не спеша прошли Арбат два раза туда и обратно. Поглазели на Пушкина с Наташей.

Глава двадцатая, в которой Ирка читает мне лекции

«Натали, Натали,
Я горю от любви...»
(из старой поп-песни)

Слушать Ирку Иногда было просто невыносимо.

– Ахматова очень любила Пушкина и понимала его, – сказала Ирка, когда мы первый раз подошли к Саше с Наташей. – Так принято считать. На самом деле ни хрена она в Пушкине не понимала, потому что она ненавидела его жену. А раз ты ненавидишь то, что любит твой кумир, значит, ты ничего о нем не знаешь и не понимаешь его. Ахматова просто придумала эту свою любовь к Пушкину, это играло на ее имидж.

– Да ладно тебе, – сказала я. – Какая теперь разница.

– Нет, не ладно! Ты думаешь, это все ерунда? Пока не поймешь человека, его нельзя полюбить по-настоящему. Будешь любить только свою любовь к нему, но не его самого. Если она не могла понять, как Пушкин мог полюбить такую «бес-талантную простую женщину», значит, она совсем не понимала Пушкина! Она не могла его понять, а все кичилась сво-

ей любовью к нему. Она все считала, что он погиб из-за Натальи. Но это же ерунда!.. Нет, Ахматова не могла понять Пушкина, если так считала!.. Да если б он сам не хотел погибнуть, он бы не погиб. Наталья только помогла ему найти самый лучший, самый благородный способ уйти из жизни. Да и ни столько – она, сколько – судьба. Нет, что ни говори, а Наталья Гончарова была для Пушкина самой лучшей женой, потому что она была настоящей женщиной... не то, что Ахматова для своих мужей, – добавила зло Ирка. – Я думаю, что Ахматова просто завидовала ей, потому и ненавидела.

– Да ладно тебе, я ведь не спорю.

– Нет, не ладно! Это важно!

– Какая теперь разница? Да и чему ей завидовать-то? – не понимала я.

– Нет, нет, ты слушай! Это и тебя касается, если ты поймешь. Всех касается. И запомни, что всегда правы бывают только потомки. Поэтому справедливость всегда находит тех, кто ее заслуживает...

Иногда Ирка была просто несносной.

– И поэтому мы с тобой сейчас видим не просто памятник, – продолжала она, – а саму воплотившуюся справедливость: Пушкин и Наталья вместе, держаться за руки и идут в вечность. С кем бы она потом ни жила, она навсегда осталась женой Пушкина. Я бы на месте мэра дала премию тем, кто этот памятник придумал и воздвиг здесь.

– Так, может, он и дал им премию, – усмехнулась я.

– Может, – серьезно сказала Ирка.

Так она грузила меня весь день то Пушкиным, то Есениным, когда мы проползали мимо ее любимого литинститута. Видимо, наслушалась лекций старых книжных червей от литературы.

Но, в общем, она поступила правильно, и я была благодарна ей за болтовню, которая так или иначе отвлекала меня от моих упадническим мыслей, и Москва казалась мне уже не таким убийственным городом, каким была вчера, и позавчера, и поза-позавчера, и всю прошлую неделю.

Глава двадцать первая, в которой мы маемся дурью

«Гоп, гоп, гоп, чи да гоп,
а я танцую...»
(из старой поп-песни)

Ах, Москва! Иногда кажется, что это не город, а вселенная.

Постепенно наступил вечер. Москва как старая блудница, к вечеру всегда становится мягче и приветливей. Она зовет вас тысячами огней, она заманивает вас в свои сети, она готова любить вас до самого рассвета, если у вас не пустые карманы. Она готова на все, лишь бы слышать шуршание хрустящих купюр. Она вас напоит и согреет, она укладет вас в теплую постель и усладит ваше тело, она расскажет вам на ночь сказку. Только надо за всё это заплатить.

Еще великолепней Москва ночная. Безумная, чарующая, колдовская и вечно хмельная. С ней нельзя спорить, ей нельзя ничего объяснить, ей можно только восхищаться. Она — женщина, и этим все сказано. А женщину невозможно победить, если она сама не захочет отдаться вам. Ах, Москва, Москва! Я не знаю прекрасней города. Я не знаю города

безумней. Если ты молод и полон сил, то Москва – это то место, где счастье поджидает тебя на каждом углу. Москва – город молодых и сильных. Москва – город надежд.

Мы сидим с Иркой в «Елках палках» и сосем кофейный ликер. И смотрим на двух кавказцев, что сидят в углу за столиком. С южанами надо быть осторожней. Это люди, тела которых развиваются в десять раз быстрее мозгов. Если по уму южанин достигает школьного возраста, то телом он уже похож на взрослого мужика. А когда он умнеет до совершеннолетнего, на него уже не интересно смотреть, он – старик. Поэтому общаться с ними всегда надо с оглядкой, как с подростками, которые еще не научились отвечать за свои поступки.

Тем не менее, мы рискуем, и наш риск оправдывается: гарсон приносит нам бутылку шампанского, два апельсина и две порции горячего шоколада.

– Это вам подарок от тех господ, – вежливо говорит гарсон и указывает на кавказцев.

– Пить шампанское после ликера, значит расписаться в алкоголизме, – сказала Ирка. – Отнесите бутылку им и скажите, что мы благодарим за фрукты и шоколад, и просим их выпить за наше здоровье.

Гарсон отвалил в угол. А Ирка мило улыбнулась угловому столику и с аппетитом стала уплетать горячий шоколад, запивая его ликером и горячим кофе. Я последовала ее примеру. Вскоре гарсон снова возник перед нами с той же бу-

тылкой.

– Господа сказали, что не принимают назад подарки.

Он хотел было поставить бутылку на стол, но Ирка жестом руки остановила его и сделала серьезное лицо:

– Передайте этим господам следующие слова, – сказала она строгим тоном, не терпящим возражений. – Нам эту бутылку подарили прекрасные добрые люди, поэтому это наше шампанское. И если эти господа не выпьют нашего шампанского за наше здоровье, то мы на них обидимся и сейчас же уйдем. Вы запомнили?

– Хорошо, – сказал гарсон, зеленея. – Но если они меня еще раз сюда пришлют, то назад бутылку я больше не понесу.

– В таком случае, постарайтесь, чтобы вас сюда больше не послали! – прошипела Ирка, сделав зверское лицо.

Зеленый гарсон исчез. Мы снова принялись за шоколад, уже не обращая никакого внимания на угловой столик. Ирка молодец! Я бы так не смогла. Вот что значит, учиться в гуманитарном вузе. Класс общения.

Мы услышали глухой выстрел и обернулись. Гарсон разливал шампанское в бокалы южан, и они почтительно улыбались нам.

– Так-то лучше, – сказала Ирка, поднимая в ответ бокал с ликером.

– Здорово ты их, – сказала я.

– Ерунда.

Глава двадцать вторая, в которой мы продолжаем маяться дурью

«Гоп, гоп, гоп, чи да гоп,
а я певаю...»
(из старой поп-песни)

«Любовь любви рознь, – сказала однажды Ирка. – Иногда любовь бывает в сердце, но чаще всего она не поднимается выше пупка».

И вот, оба чижики возникли перед нашим столиком. Этого следовало ожидать.

– Девушки, можна к вам присаєдиница?

– С ху... ли гости?! – отрезала Ирка.

Ее неожиданная грубость и серьезный вид в мгновение ока остудила горячую, но жидкую южную кровь. Улыбающиеся до ушей мины кавказцев вытянулись в недоуменные физиономии. В воздухе запахло керосином. Пора было переходить к плану эвакуации.

– Официант! – крикнула Ирка, вставая из-за стола, и, не дожидаясь, пока придут в себя кавказцы, сделала мне знак. – У вас тут невозможно спокойно отдохнуть! Пошли, сестра!

Мы спокойно удалились, не забыв прихватить с собой апельсины. Возле дверей я бросила быстрый взгляд на кавказцев. Они все так же недоуменно стояли около нашего столика и смотрели нам вслед.

Выйдя на улицу, мы расхохотались. Ирка тут же подошла к шоссе и подняла руку. Серый «бумер» замер перед нами, как вкопанный.

– Девочки, вам куда?

Ирка заглянула в салон через приоткрывшееся затемненное стекло.

– Мы с подругой поспорили, есть ли в машине маховик или нет, вот и решили спросить у водителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.